

## **МЕТАФОРИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ В СТРУКТУРЕ КОДИРОВАННЫХ ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКИХ РЕАЛИЙ (на примере английского и немецкого языков)**

*В статье рассмотрены кодированные лингвострановедческие реалии в структуре английского и немецкого языков, многие из которых образованы на основе метафор. В структуре упомянутых лексических единиц некоторые метафорические модели являются типовыми, заключающими в себе определенную культурную информацию. Изучение данных лексических единиц способствует развитию межкультурной компетенции будущих специалистов-филологов.*

### **Введение**

Проблема кодирования информации и, соответственно, ее языковой интерпретации тесно связана с определением механизмов возникновения единиц ментального лексикона, языковых структур, представляющих языковую картину мира, организующих знания о мире и отражающих фиксацию своеобразия способа освоения мира носителями того или иного языкового сознания, их особенности мышления, отношение к реалиям собственной культуры. Изучение антропологического фактора в языке является одним из актуальных направлений лингвистических исследований лингвокультурологии, нацеленной на изучение и описание культурного пространства и культурного фона коммуникативного пространства сквозь призму языка.

Социально-культурное значение решения данной проблемы обусловлено существовавшим и существующим этническим и языковым многообразием, межъязыковыми контактами, взаимодействием и взаимовлиянием языков, ситуациями билингвизма и полилингвизма в прошлом и настоящем. Сопоставительные исследования способствуют просвещению и воспитанию современного человека в многоязычном и многокультурном мире, реализации компетентностной модели подготовки специалистов-филологов, ориентированных на результативную профессиональную деятельность.

Межкультурная коммуникация как процесс вербального и невербального общения между коммуникантами, являющимися носителями разных культур и языков, предполагает целостный и системный подход к обучению иностранному языку как обучению иноязычной культуре и, следовательно, выводит преподавание иностранных языков на междисциплинарный уровень – на стык таких наук, как лингвистика, психолингвистика, лингводидактика, культурология и т.д.

В ходе исторического развития общества и накопления информации многие лингвострановедческие реалии подвергаются особому языковому кодированию, отражающему отношение носителей языка к реалиям своей культуры. Вследствие этого возникает проблема правильной интерпретации подобных реалий в контексте межкультурной коммуникации. При работе с аутентичными печатными, аудио- и видеоматериалами трактовка данных реалий вызывает наибольшую сложность. В связи с этим актуальным является сопоставительное исследование вышеназванных единиц, в частности, кодированных лингвострановедческих реалий в структуре английского и немецкого языков.

#### Основная часть

Понятие “код” ассоциируется, как правило, с понятиями “шифр”, “кодирование” и “декодирование”. Являясь одним из древнейших понятий целого ряда областей науки, определение понятия “код” до сих пор вызывает споры в научной среде. С одной стороны, в качестве базового семиотического термина “код” трактуется как “закон соответствия между планом выражения и планом содержания знака” [1, с. 7]. С другой стороны, при обращении к конкретной области научного знания понятие “код” приобретает новые грани значения. В разное время понятие кода по-разному интерпретировалось такими учеными, как Р. Барт, М.М. Бахтин, К. Леви-Строс, Ю.М. Лотман, У. Эко, Р. Якобсон и др. При рассмотрении данного понятия в рамках культурологии все явления культуры представляют собой знаковые системы, прочитываемые при помощи различных кодов. Если же в данном случае принять во внимание и тезис Э. Сепира о том, что язык является продуктом социального и культурного развития, то язык также предстает в роли некой “системы кодов”. С позиции семиотического подхода к изучению языка и культуры язык является самой сложной, мощной и универсальной знаковой системой, т.к. может интерпретировать другие знаковые системы (например, все виды искусства), которые одновременно являются объектами культуры. Код в данном случае представляет собой “класс знаков и правила их “прочтения” интерпретатором, которые обусловлены той или иной культурой, в которой они будут прочтены, тем или иным культурным хронотопом, культурной компетенцией интерпретатора” [1, с. 7]. Данную точку зрения подтверждает и мнение разработчика теории универсального семантического кода В.В. Мартынова, считающего, что семантически неоднозначные единства (фразы) понятны человеку только благодаря пресуппозиции, отражающей его предшествующий индивидуальный и коллективный опыт [2]. Под пресуппозицией в данном случае он понимает “некоторое предварительное знание (модель мира), основанное на индивидуальном опыте человека и коллективном опыте человечества”, на котором и основывается понимание в процессе коммуникации [2, с. 5].

В поле культуры выделяются три формы кода, а именно: реальный (предметы, вещи), акциональный (действия) и вербальный (слова) [1]. Вербальный код культуры может рассматриваться как базовый и основной, т.к. единицы и реального, и акционального кодов культуры могут “вербализоваться”, т.е. стать составляющими вербального кода.

Коды культуры занимают центральное положение в национальном культурном пространстве, являются его структурообразующими элементами, присутствуя в когнитивной базе лингвокультурного сообщества, и неизбежно находят свое отражение в языке. Культурное пространство при этом понимается как форма существования культуры в человеческом сознании, а информационная когнитив-

ная база лингвокультурного сообщества – как совокупность представлений и знаний, которыми обладают все или подавляющее большинство социализированных представителей этого сообщества [1]. С позиции В.В. Красных, “код культуры” представляет собой “сетку, которую культура набрасывает на окружающий мир, категоризирует, структурирует и оценивает его” [3, с. 232]. Коды культуры универсальны, но их проявления в каждой отдельной культуре, языковые средства, в которых они реализуются, а также их содержание исторически и национально обусловлены.

Особенности представления одной и той же вещи носителями разных культур объясняются различным культурным кодом; при этом под “культурным кодом” понимается бессознательный смысл той или иной вещи или явления, будь то машина, еда, отношения, даже страна в контексте культуры, в которой человек воспитан [4, с. 16].

Вербальный код в иерархии кодов культуры более, чем другие, подвержен различного рода модификациям и трансформациям, а лексика любого языка активнее всего подвержена различного рода новациям, вызываемым изменениями в культурной жизни общества. По Ю.М. Лотману, культура представляет собой негенетическую память коллектива, для передачи которой необходима обработка, кодировка и символизация информации [5]. Человек обладает семиотическими способностями к созданию и восприятию новых кодов уже на ранних этапах социализации – с тем, чтобы более выразительно, не прилагая излишних усилий, коротко и ясно излагать свои мысли и интенции. К созданию кодов прибегают и тогда, когда возникает необходимость дать конкретное воплощение абстрактному понятию. И, наконец, к созданию кодов, в том числе в рамках вербального кода культуры, прибегают в случае, когда в узких рамках отдельных языковых единиц наряду с денотативным значением стремятся выразить эмотивный потенциал, спектр коннотативных значений либо совокупность ассоциаций, вызываемых той или иной реалией культуры.

Реалии – слова (и словосочетания), называющие объекты, характерные для жизни (быта, культуры, социального и исторического развития) одного народа и чуждые другому; будучи носителями национального и/или исторического колорита, они, как правило, не имеют точных соответствий (эквивалентов) в других языках, а следовательно, не поддаются переводу на общем основании, требуя особого подхода [6]. Реалии являются объектом лингвистики, т.к. представляют собой языковые единицы и на общем основании подчиняются законам соответствующего языка.

Некоторые лингвострановедческие реалии в ходе развития общества подвергаются специфическому языковому “кодированию”. Чем же вызвано появление подобных реалий – уже не столько реалий культуры, сколько языковых явлений?

Язык – порождение человеческой способности к постоянной и непрерывной метафоризации, к обозначению одного через другое. В течение всей жизни человек испытывает потребность к игре со значениями, к так называемой “тотальной метафоризации для эстетического удовольствия” [1, с. 13]. Этим отчасти и объясняется многообразие образно-стилистических средств в структуре языка. Не имея возможности выразить свои эмоции, свой личный опыт общения с окружающей действительностью за счет уже имеющихся в языке средств и, соответственно, лексических единиц, метафорическая природа языковой способности личности заставляет ее создавать новые культурные коды – соответственно, новые лекси-

ческие единицы. “Жизненный путь” лексических новаций различен, одни исчезают так же быстро, как появились, ибо “нет второго шанса получить первое впечатление” [7, с. 29]; другие – в разной степени прочности – закрепляются в лексической системе языка.

Под кодированными лингвострановедческими реалиями (далее – КЛР) понимаются детерминированные кодом культуры лексические единицы, представляющие собой номинативные аналоги лингвострановедческих реалий, выраженные в языке с помощью многообразия стилистических средств (метафор, перифраз и др.) и отражающие отношение носителей языка к реалиям своей культуры. Средствами выражения КЛР в языке выступают, как правило, три вида стилистических фигур, а именно: метафора, перифраза и метонимия (таблица 1).

Таблица 1

Средства выражения КЛР

Средство	English	Deutsch
метафора	<i>The Kirk</i> (Church of Scotland), <i>the Smoke</i> (London)	<i>Anti-Teuro-Gipfel</i> (Konferenz gegen erhöhte Preise seit der Euro-Einführung)
перифраза	<i>Irish Canterbury</i> (Armagh, Northern Ireland), <i>City of Dreaming Spires</i> (Oxford)	<i>Elbflorenz</i> (Dresden), <i>Stadt der Springbrunnen</i> (Leipzig)
метонимия	<i>Gilded Chamber</i> (House of Lords of the British Parliament), <i>The Old Bailey</i> (Central Criminal Court in London)	<i>Der Baedeker</i> (ein Reiseführer für Reiseziele im In-und Ausland; erschien erstmals 1832 in dem vom Namensgeber Karl Baedeker 1827 ergründeten Verlag in Koblenz)

Знание единиц КЛР представляется необходимым в первую очередь тем, кто одновременно либо в порядке очередности, самостоятельно либо в рамках вузовской системы образования изучает несколько иностранных языков. В данном исследовании будут рассмотрены КЛР в структуре английского и немецкого языков.

Материалом для анализа единиц КЛР в английском языке послужили лингвострановедческие реалии, представленные в словарях: “Лингвострановедческий словарь Великобритании” (1980), Oxford Guide to British and American culture (2004), The Oxford Dictionary of Modern Slang (1992), The Oxford Dictionary of Rhyming Slang (2003) [8; 9; 10; 11]. Исследование показало, что в вышеназванных источниках содержится 1059 единиц КЛР.

В немецком языке КЛР как один из компонентов разговорной речи также находят отражение во многих сферах жизнедеятельности человека. По результатам анализа лингвострановедческих реалий, представленных в словарях (Германия: страна и язык = Landeskunde durch die Sprache 1998, Немецко-русский иллюстрированный лингвострановедческий словарь 2001, Deutsches Neologismenwörterbuch: neue Wörter und Wortbedeutungen in der Gegenwartssprache 2007), были выявлены 392 единицы КЛР [12; 13; 14].

Целью настоящего исследования стало описание метафорической природы КЛР в английском и немецком языках и выделение функционирующих в структурах данных лексических единиц типовых метафорических моделей путем использования метода семантического моделирования для анализа их словарного состава. Решение задач исследования нацелено, с одной стороны, на выявление механизмов, ответственных за появление в лексике подобных единиц, с другой

стороны – на повышение уровня межкультурной компетенции русскоязычных специалистов-филологов, изучающих английский и немецкий языки.

Как показал семантический анализ выделенного словарного состава КЛР, каждая третья из подобных реалий образована путем метафоризации значений. Что же делает метафору столь продуктивным средством образования КЛР?

В рамках риторики, поэтики, стилистики и теории литературы метафора (от греч. *metaphora*, *meta* – ‘над’ и *phora* – ‘нести’) традиционно рассматривается как средство создания образности речи. Сложность и многоаспектность феномена метафоры, частое использование метафорических структур как в литературном языке, так и в единицах субстандартной лексики обуславливают значительное разнообразие теорий и ракурсов изучения метафоры.

Одной из наиболее актуальных проблем изучения данного феномена, особенно важной для нашего исследования, является выяснение степени соотношения метафоры и реальности. В лингвистической науке стремление получить наиболее достоверное представление о данном соотношении “породило” в свое время три довольно различных, но не исключających друг друга перспективы: 1) теории, сосредотачивающиеся на способности метафор *описывать* действительность; 2) теории, исследующие способность метафор *быть составляющей частью* действительности и 3) теории, предлагающие рассматривать потенциал метафор как средство *критики и преобразования* действительности.

Для последователей теории, сосредотачивающейся на описательных возможностях метафор, ценность последних заключается в их способности обеспечить понимание уже существующей действительности. С точки зрения Аристотеля, создателя первой теории метафоры, и его последователей, изучающих метафору с философской точки зрения, метафора предоставляет возможность пролить свет на те стороны действительности, которые не поддаются описанию никаким другим способом [7].

Исторически упор на “креативную” функцию метафоры берет начало с романтических теорий языка, которым было свойственно видеть в метафоре манифестацию воображения. В близкой к данной мысли теории Дж. Лакоффа и М. Джонсона метафора является своеобразным способом манифестации в речи опыта индивида: “The way we think, what we experience and what we do every day is very much a matter of metaphor” [15, с. 124]. М. Джонсон также подчеркивает, что окружающий мир по своей природе метафоричен, и метафоры, эволюционируя, в определенной степени способны изменить мировоззрение индивида: “...our world is an imaginative, value-laden construction, [and so,] metaphors that alter our conceptual structures (...) will also alter the way we experience things” [16, с. 41].

Мир объективизма не всегда доступен для точного описания. Тем не менее, конструируется он, как правило, под влиянием языка и ограниченных человеческих знаний о действительности. Некоторые ученые, такие как М. Бирдсли, подвергают критике теорию метафоры как теорию сравнения объектов, поскольку, по их словам, эффект метафоры часто достигается путем апелляции не к денотату, а к коннотату [17]. Иными словами, часто искомое свойство обнаруживается не в свойствах самого объекта, а в ассоциациях, которые возникают у индивида в связи с употреблением слова, использованного для обозначения того или иного объекта или явления.

Одной из важнейших функций метафоры является информационная когнитивная функция, иными словами, функция получения нового знания, предполагающая разработку темы метафоры как пути рождения нового смысла. В основе процессов метафоризации лежат процедуры обработки структур знаний – фрей-

мов и сценариев. Знания, реализующиеся во фреймах и сценариях, представляют собой обобщенный опыт взаимодействия человека с окружающим миром – как с миром материальных объектов, так и с социумом.

Представители современной когнитивной лингвистики (Н.Д. Арутюнова, А.Н. Баранов, М. Джонсон, Ф. Джонсон-Лэрд, Ю.Н. Караулов, Е. Киттей, И.М. Кобозева, Е.С. Кубрякова, Дж. Лакофф, В.В. Петров, М. Тернер, Ж. Фоконье, А.П. Чудинов и др.) рассматривают метафору как основную ментальную операцию, как способ познания, структурирования и объяснения мира. Человек не только выражает свои мысли при помощи метафор, но и мыслит метафорами, создает при помощи метафор тот мир, в котором он живет, а также стремится в процессе коммуникативной деятельности преобразовать существующую в сознании адресата языковую картину мира. Процессы метафоризации – это специфические операции над знаниями, часто приводящие к изменению онтологического статуса знания, когда неизвестное становится известным, а известное – совершенно новым и т. п. В когнитивном плане процесс метафоризации близок к модели рассуждения по аналогии, в основе которой лежит представление о передаче информации или знаний между двумя концептуальными областями или полями: источником и целью.

Для выявления внутреннего строения области источника и области цели зачастую обращаются к метаязыку фреймов и сценариев. Фрейм – это представление обычной ситуации в виде набора слотов, каждый из которых является некоторым типом информации, релевантным для описываемого фрагмента действительности [18].

Понятие метафорической модели непосредственно опирается на когнитивную теорию метафоры. Метафорическая модель (М-модель) – это регулярный перенос двух и более слов, тематически соотносительных, с одного класса предметов на другой на основе сходства предметов или их оценки [19]. В рамках когнитивной теории метафоры М-модель – это существующая в сознании носителей языка взаимосвязь между понятийными сферами, при которой система фреймов (концептов) одной сферы (сферы-источника) служит основой для моделирования понятийной системы другой сферы (сферы-магнита) [19]. Таким образом, метафорическая модель – это существующая и / или складывающаяся в сознании носителей языка схема связи между понятийными сферами, которую условно можно представить формулой “X – это Y” [19]. Например, “спортивное соревнование – это война”. Отношение между компонентами формулы понимается не как прямое отождествление, а как подобие “X подобен Y” – спортивное соревнование подобно войне. При таком моделировании в сфере-магните обычно сохраняется не только структура исходной области, но и эмотивный потенциал, характерный для концептов сферы-источника, что создает широкие возможности воздействия на эмоционально-волевую сферу адресата в процессе коммуникативной деятельности.

Категория М-модели подразумевает классификацию (систематизацию) областей источника метафоризации (в противоположность цели). Имя метафорической модели обычно дает слово, являющееся родовым по отношению к словам, представляющим элементы ее понятийной системы.

Особого внимания требуют критерии определения семантики и объема М-модели. При выявлении М-модели целесообразно установить структуру значения лексем, выделяя интегральные семы как прямых, так и переносных значений у тематически соотносительных слов. Обязательный минимум при опреде-

лении модели – наличие хотя бы двух лексем, имеющих сходные прямые и переносные значения [20]. Важным критерием при рассмотрении М-модели является также определение типа ассоциаций – на основе каких признаков было установлено сходство двух предметов.

Возможны различные подходы к систематизации М-моделей. Во-первых, за основу для систематизации можно взять исходную понятийную сферу (сферу-источник метафорической экспансии) и выделить ряд однотипных моделей. Во-вторых, за основу для классификации можно взять сферу метафорического притяжения (“сферу-цель”) и на этой основе выделить следующий ряд однотипных моделей. Наконец, за основу для классификации можно взять основные фреймы понятийного поля, являющегося объектом метафорического притяжения (“сферой-целью”). Так, в понятийном поле “политика” можно выделить следующие фреймы: субъекты политической деятельности (люди), политические организации (партии и т.п.), политические институты (парламент, правительство, муниципальные органы власти), политическая деятельность, отношения между субъектами политической деятельности и т.п. Соответственно, в отношении каждого из вышеупомянутых фреймов можно выделить несколько М-моделей.

Точное количество М-моделей и их классификаций неизвестно. Тем не менее, основываясь на исследованиях современных лингвистов, можно сделать вывод о том, что природа большинства из них является антропоцентрической, т.к. в основу их положен жизненный опыт самого индивида, а степень продуктивности пополнения метафорическими новациями определенных семантических сфер и конкретная семантика этих новаций во многом отражают современную языковую картину мира. В этом случае целенаправленный анализ функционирующих в сфере КЛР М-моделей может способствовать выявлению тенденций развития дискурса и помочь определить степень влияния изменений социально-экономического характера на функционирование языка.

Как правило, проблема метафорического моделирования рассматривается в контексте художественной литературы и публицистики. Тем не менее, в конце последнего десятилетия XX в. лингвисты пришли к выводу, что субстандартная лексика также может быть источником-носителем определенных специфических М-моделей.

В КЛР отражены многие сферы жизнедеятельности человека, в том числе метафорически. Дальнейший анализ выделенного лексического состава КЛР позволил выявить следующее: более трети единиц КЛР, как в английском (35,8%), так и в немецком (34%) языках, образованы за счет метафор, в рамках которых фигурируют типовые М-модели. По результатам исследования нами были выявлены типовые модели метафорического переноса в структуре КЛР в английском (таблица 2) и немецком языках (таблица 3).

Таблица 2

Модели метафорического переноса в структуре английских КЛР

Английский язык		
№ п/п	М-модель	Пример
1	предмет/явление природы – географический объект	<i>Garden of England</i>
2	философское переосмысление событий и явлений – события и явления	<i>The Troubles</i>
3	род деятельности/промысла – географический объект	<i>The Potteries</i>
4	ассоциация, связанная с тем или иным маршрутом, – конкретный вид транспорта	<i>Executive</i>

Окончание табл. 2

Английский язык		
№ п/п	М-модель	Пример
5	представители животного и растительного мира – конкретная личность	<i>The Beaver</i>
6	родственная связь – статус/иерархическая ступень в рамках учреждения	<i>Baby/Father of the House</i>
7	национальность – средство транспорта	<i>Flying Scotsman</i>
8	ассоциация, связанная с тем или иным местом, – географический объект	<i>Square Mile of Vice</i>
9	конкретное лицо – место, ассоциируемое с этим человеком	<i>Constable Country</i>
10	статус – конкретное учреждение/институт	<i>The 5<sup>th</sup> Estate</i>

Таблица 3

Модели метафорического переноса в структуре немецких КЛР

Немецкий язык		
№ п/п	М-модель	Пример
1	род деятельности/промысла – географический объект	<i>Samt- und Seidenstadt</i>
2	неодушевленный предмет обихода – географический объект	<i>Schreibtisch des Ruhrgebiets</i>
3	ассоциация, связанная с той или иной личностью, географический объект	<i>Der lange Eugen</i>
4	имя собственное – определенный вид оружия	<i>Die dicke Berta</i>
5	философское переосмысление событий и явлений – события и явления	<i>Stunde Null</i>
6	профессия/род деятельности – конкретное лицо	<i>Sparbücher-Agitator</i>
7	абстрактное понятие I – абстрактное понятие II	<i>Die braune Pest</i>
8	органы/части тела – географический объект	<i>Der Bauch von Berlin</i>
9	представители животного и растительного мира – конкретная личность	<i>Nachtigall von Wittenberg</i>
10	абстрактное понятие – события политической и экономической жизни страны	<i>Wechselgipfel</i>

Как видно из вышеперечисленного, 4 из 10 М-моделей КЛР являются типовыми как для английского, так и для немецкого языков (М-модели: 3-1, 2-5, 5-9, 9-3). Кроме того, “параллели” были выявлены и среди единиц КЛР, образованных за счет других стилистических средств – таких, как метонимия: ‘*the Ironsides*’, ‘*the Iron Duke*’, ‘*the Iron Lady*’ (Margaret Thatcher, English) / ‘*der eiserne Kanzler*’ (Otto von Bismark, Deutsch). Все это, а также тот факт, что некоторые из выше-названных выражений КЛР прочно вошли в лексику русского языка (такие, как “Железная леди”), доказывает сходство моделирования КЛР как лексических единиц в разных языках.

В субстандартной лексике метафора по праву считается одной из лингвистических словообразовательных моделей, т.к. именно метафора согласуется с ее экспрессивно-оценочной функцией, выражая отношение говорящего к обозначаемому через выбор определенного языкового знака. Это обусловлено тем, что в метафоре совмещаются три модальности – оценочная, эмотивная и стилистическая, что можно проследить, в частности, на примере так называемой “цветописи” в выражениях общего американского сленга (*lettuce, cabbage, spinach* – ‘dollar’). Единицам КЛР в той же мере присущи такие характерные особенности, как яркость, образность, эмоциональность, ирония и юмор. Поэтому неслучайно, что



многие КЛР образованы на базе метафорических переносов, т.е. на базе семантического способа словообразования.

Результаты анализа словарного состава КЛР свидетельствуют о том, что ментальными сферами-источниками типовых М-моделей в данном случае являются: мир природы, совокупность ассоциаций, порождаемых мышлением человека; сфера абстрактных понятий, мир предметов обихода каждого индивида; характеристика человека по национальным и этническим признакам, как и характеристика индивида с позиции его рода деятельности и личностных качеств (метафорический перенос смыслов осуществляется в данном случае через информированность социума о ведущих изобретениях той или иной нации в различных областях науки и техники). Сигнификативной зоной может также выступать философское осмысление индивидом своего жизненного опыта; качества (сущность, черта характера), ассоциируемые с известной личностью либо литературным персонажем. В то же время денотативной зоной является совокупность предметов и явлений окружающей действительности. Метафорический перенос смыслов происходит за счет переноса как положительного, так и отрицательного жизненного опыта индивида на некоторые понятия и явления окружающего мира; опыта чувственного (зрительного, вкусового, слухового и тактильного) восприятия индивида во взаимодействии с окружающей действительностью. Переосмысливая свою жизнь в самых различных ее проявлениях, человек склонен оценивать некоторые жизненные ситуации с самых разных точек зрения, и в данном случае на примере выражений КЛР можно изучить некоторые наиболее типичные из представлений индивида о себе самом и об отношении человека к окружающей его действительности. Связующим компонентом, на основе которого может осуществляться процесс метафоризации, выступает также опыт активного общения индивида с социумом, опыт коммуникации; часто в выражениях КЛР прослеживается система общественных отношений, реалии и стереотипы определенного социума.

#### Заключение

Как можно заключить из вышеизложенного, не только сами выражения КЛР, но и направления метафорического переноса в данных лексических единицах сконцентрированы на человеке и его жизни в условиях постоянно меняющегося общества. Лингвистический анализ вышеупомянутых типовых М-моделей в обоих языках свидетельствует о том, что метафорический перенос смыслов из ментальной сферы-источника в ментальную сферу-магнит происходит главным образом на основе опыта обращения индивида с миром материальных вещей, а также на основе опыта взаимодействия человека с социумом в различных жизненных обстоятельствах, видах деятельности и актах коммуникации. Следует отметить, что опыт подобного рода у представителей разных этносов может быть различен. Если так, то данные исследования М-моделей в рамках субстандартной лексики (в нашем случае – в рамках КЛР) могут помочь раскрыть некоторые стороны концептуальной системы народа-носителя языка и способствовать дальнейшему профессиональному совершенствованию специалистов в области иностранного языка.

#### СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Гудков, Д.Б.** Телесный код русской культуры: материалы к словарю / Д.Б. Гудков, М.Л. Ковшова. – М. : Гнозис, 2007. – 285 с.
2. **Мартьянов, В.В.** Семантический код в линейном и нелинейном представлении / В.В. Мартьянов // АН БССР ; Ин-т языкознания им. Я. Коласа. – Минск, 1980. – 57 с.

3. **Красных, В.В.** Этнопсихолінгвістыка і лінгвокультуролагія / В.В. Красных. – М. : Гнозис, 2002. – 283 с.
4. **Рапай, К.** Культурны код / К. Рапай. – М. : Альпіна Бізнес Букс, 2008. – 166 с.
5. **Лотман, Ю.М.** Стат'і па семиотыцы культуры і мастацтва / Ю.М. Лотман. – СПб. : Акад. праект, 2002. – 542 с.
6. **Влахав, С.И.** Непераводзімае ў перавадзе / С.И. Влахав, С.П. Флорін. – М. : Р. Валент, 2009. – 360 с.
7. Новейший философский словарь. – 3-е изд., исправл. – Минск : Книжный дом, 2003. – 1280 с.
8. Великобритания: Лингвострановедческий словарь / А.Р.У. Рум [и др.] ; под общ. ред. Е.Ф. Рогова. – М. : Рус. яз., 1980. – 480 с.
9. The Oxford Dictionary of Modern Slang / J. Ayto, J. Simpson. – OXFORD : University Press. – 1992. – 299 p.
10. The Oxford Dictionary of Rhyming Slang / J. Ayto. – OXFORD : University Press. – 2002. – 309 p.
11. The Oxford Guide to British and American Culture / G.M. Hawkins. – OXFORD : University Press. – 2004. – 499 p.
12. **Куликов, Г.И.** Немецко-русский иллюстрированный лингвострановедческий словарь / Г.И. Куликов, В.И. Мартиневский, А.И. Ладисов. – Минск : Выш. шк., 2001. – 294 с.
13. **Мальцева, Д.Г.** Германия: страна и язык = Landeskunde durch die Sprache / Д.Г. Мальцева. – М. : Рус. слов., 1998. – 383 с.
14. Deutsches Neologismenwörterbuch: neue Wörter und Wortbedeutungen in der Gegenwartssprache / herausg. von Uwe Quasthoff. – Berlin : Walter de Gruyter, 2007. – 690 S.
15. **Lakoff, G.** Metaphors We Live By / G. Lakoff, M. Johnson. – The University of Chicago Press. – 1980. – 242 p.
16. **Johnson, M.** Introduction: Metaphor in the Philosophical Tradition / M. Johnson // Philosophical Perspectives on Metaphor. – University of Minnesota Press. – 1981. – P. 3–47.
17. **Бирдсли, М.** Метафорическое сплетение / М. Бирдсли // Теория метафоры / под общ. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. – М. : Прогресс, 1990. – С. 201–218.
18. Encyclopedia of Language & Linguistics / K. Brown, A.H. Anderson, L. Bauer, M. Berns, G. Hirst, J. Miller. – Elsevier Ltd. – 2006. – Vol. 4. – 769 p.
19. Encyclopedia of Language & Linguistics / K. Brown, A.H. Anderson, L. Bauer, M. Berns, G. Hirst, J. Miller. – Elsevier Ltd. – 2006. – Vol. 8. – 750 p.
20. **Чудинов, А.П.** Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации / А.П. Чудинов. – Екатеринбург : ЕГУ, 2003. – 248 с.